

Неолит, Анды и Передняя Азия*

Резюме. Понятие «неолит» обозначает не только стадию развития, но и историко-культурную общность. Несмотря на наличие в Америке обществ, типологически сходных с неолитическими культурами Старого Света, в Новом Свете нет «неолита». Исследования в Передней Азии и в Центральных Андах показывают, что корреляция между появлением производящего хозяйства, становлением культур неолитического уровня (оседлость, богатый вещевой набор и пр.) и формированием надобщинного уровня политической интеграции слабее, чем это предполагалось. В истории культуры и общества реализовывались разные варианты, в том числе статистически редкие. Чем больше древних обществ удается реконструировать, тем менее универсальными становятся используемые нами понятия.

Ключевые слова: докерамический неолит, Центральные Анды, Передняя Азия, периодизация в археологии, ранние сложные общества.

Berezkin Yu. E. Neolithic, Andes, and the Near East. «Neolithic» is both a stage of social and cultural development and a particular interaction sphere. Some American societies were typologically similar to Eurasian Neolithic cultures but there was no «Neolithic» in the New World. Archaeological investigations in the Near East and in Central Andes demonstrate that correlation between the development of producing economy, cultures of the Neolithic level (permanent settlements, a rich set of material objects, etc.), and super-community level of political integration was weaker than formerly thought. Though different variants of organization had uneven probability to be realized in history, those which really existed were diverse and numerous enough. The more early societies are reconstructed, the less universal become notions and terms we can use.

Keywords: Preceramic Neolithic, Central Andes, the Near East, archaeological periodization, early complex societies.

В дискуссиях о природе неолита в основном рассматриваются, с одной стороны, неолит лесной полосы Евразии, а с другой — докерамический неолит Ближнего Востока. О неолите также принято говорить в связи с Восточной Азией и Северной Африкой, но не в связи с Америкой. Конечно, Новый Свет развивался своими путями, но не настолько отлично от Старого, чтобы между ними нельзя было обнаружить типологических параллелей в области хозяйства и технологии. Чем культуры алгонкинов, ирокезов и их предков, живших на американском северо-востоке на протяжении нескольких тысячелетий до Колумба, были в этом смысле так уж принципиально отличны от европейских

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 11-06-00441, «Динамика централизации — децентрализации традиционных социально-политических систем Старого и Нового Света по археологическим, историческим и этнографическим данным».

культур ямочно-гребенчатой керамики, а культура Оахаки III тыс. до н. э. — от докерамического неолита А? Тем не менее, использовать термин «неолит» в отношении памятников Нового Света язык, что называется, не повернется. Это значит, что под неолитом мы понимаем не универсальную стадию в развитии человечества, а определенную культурно-историческую общность или хотя бы несколько общностей, между которыми существовали пусть слабые и опосредованные, но все же реальные исторические связи. Историко-культурная общность (или совокупность общностей) евразийско-североафриканского неолита ограничена, как и любые другие, не только в пространстве, но и во времени. Отсюда ее восприятие как стадии развития. Но стадия эта касается лишь культур Старого Света и отношения к культурам Америки не имеет.

Культурно-историческая общность — понятие неточное, так что дискуссии по поводу ее четких границ вряд ли необходимы. Если сообщество археологов договорилось называть переднеазиатские культуры, существовавшие вплоть до позднего (молодого) дриаса, (эпи)палеолитическими, а существовавшие в голоцене — неолитическими, то ничего «неправильного» в том нет и не может быть. Главное, чтобы терминология была понятной, а какая реальность за ней стоит, любой специалист знает сам.

Я бы сравнил ситуацию с фольклорными указателями. Существует указатель сюжетов, помогающий найти в публикациях определенные тексты. Наивно думать, что тексты, отнесенные к одному и тому же сюжету, почти одинаковы — иногда они очень разные. Но что-то есть общее, и это общее, отмеченное в определении сюжета, помогает отыскать нужный текст. В Америке записаны совершенно другие тексты, к которым жанровая система, выработанная на материалах Западной Евразии, неприменима.

При этом если мы хотим исследовать совокупность текстов не ради усовершенствования классификации, а ради получения информации исторического характера, номера сюжетов по каталогу нам вообще не помогут. Думаю, что большинству археологов тоже интересны не условные ярлыки, выбранные для обозначения определенных памятников (хотя без ярлыков систематизировать материал невозможно), а сущностные характеристики древних обществ. И вот здесь начинаются трудности, которые хотелось бы рассмотреть на примере лучше знакомых мне материалов по зонам формирования первичных цивилизаций Передней Азии и Центральные Анд.

К концу 1940-х гг. Джулиан Стьюард сформулировал теорию параллельного однонаправленного развития ранних цивилизаций, основанных на ирригационном земледелии (Steward 1949). Далеко уйдя от построений ранних эволюционистов, Стьюард и его последователи все же сохранили два их основных постулата.

1. В развитии обществ можно выделить дискретные ступени.

2. Даже при отсутствии исторических связей вектор развития в отдельных регионах одинаков, если природные условия в основном сходны (а климат и ландшафт Центральные Анд и Передней Азии имеют много общего). Под «вектором» имеется в виду не вообще развитие от простого к сложному, а сходство конкретных характеристик на отдельных этапах.

В СССР/России стьюардовскую позицию наиболее последовательно отстаивали В. А. Башилов (1999) и В. М. Массон (1964: 453–456; 1971: 107–159; 1981:

119–128). Последний ссылался не на Дж. Стьюарда, а на Г. Чайлда, но сравнение Америки с Передней Азией — это именно стьюардовская, а не чайлдовская идея. Моя первая напечатанная статья (Березкин 1969) появилась благодаря В. М. Массону, который хотел познакомить отечественных читателей с данными о «раннеземледельческих» памятниках перуанского побережья. Некоторые работавшие в Перу археологи уже в то время, вероятно, догадывались, что «раннеземледельческие» дереvушки III тыс. до н. э. сосуществовали с общественно-культурными центрами, в которых высились искусственные платформы огромных размеров. Однако факты подобного рода не принимались всерьез, поскольку противоречили принятой эволюционистской схеме.

То же происходило в Передней Азии. Раскопки Иерихона, а затем и «неолитического города» Чатал-хеюк хотя и стали сенсацией, но в целом устоявшейся схемы не поколебали. К 1960-м гг. она сделалась общепринятой. В период после ледникового максимума, которому в Передней Азии соответствует крайняя аридизация, в культуре мобильных охотников-собирателей региона (кебара) наметились изменения. С началом резкого глобального потепления и соответственно увеличения влажности в южных засушливых областях начался быстрый культурный прогресс, связанный с переходом к специализированному собирательству зернобобовых (ранний натуф). Пережив ухудшение условий в период молодого дриаса (поздний натуф), люди воспользовались устойчивым увлажнением эпохи раннего голоцена и от специализированного собирательства перешли к настоящему земледелию (докерамический неолит А), а в VIII тыс. до н. э. (средний докерамический неолит Б) — и к скотоводству. Тем самым была заложена хозяйственная основа западноевразийских культур, сохранившаяся до начала индустриальной эпохи, а в определенном отношении и поныне. Типичным раннеземледельческим (неолитическим) памятником Ближнего Востока признавалось Джармо в Загросе — маленькое поселение с домами из глины, с керамикой, украшенной несложной геометрической росписью, с орудиями из кремня и обсидиана и практически без предметов искусства, если не считать фрагментов глиняных фигурок людей и животных (Braidwood, Howe 1960). В VI–V тыс. до н. э. Передний Восток развивался медленно, но без существенных откатов назад. В период Урук IV, т. е. к концу IV тыс. до н. э. (по современным данным — к середине IV тыс.) на юге Месопотамии появились город, государство и письменность.

Раскопки начала 1980-х гг. на Айн-Газале, крупном поселении конца докерамического неолита Б на западе Иордании, стали новой сенсацией, но основную схему не поколебали (Rollefson 1983; 1986; 1989; Rollefson, Simmons 1987). Более 12 га плотно застроенной территории — многовато для неолита, но это не самый ранний неолит, и к тому же Чатал-хеюк к этому времени уже был известен.

Революцию в наших представлениях о неолите Передней Азии произвели раскопки Гебекли-тепе на верхнем Евфрате (Корниенко 2011; Шмидт 2011). Памятники той же культуры в восточной Анатолии и в прилегающих районах Сирии и Ирака находили и раньше, но характером и величиной они принципиально не отличались от уже известных памятников докерамического неолита Леванта. Исследования последних лет в верховьях Евфрата и Тигра позволяют в полной мере оценить специфику Гебекли-тепе в период функционирования сооружений из его нижнего слоя.

Гебекли был основан в середине X тыс. до н. э., хотя открытие там еще более ранних материалов не исключено. Со временем размеры монументальных каменных стел уменьшались, самые большие сооружения — самые ранние (Шмидт 2011: 225–227).

Памятников, хотя бы отдаленно сопоставимых с Гебекли по размерам и синхронных его раннему слою, нет. Карахан-тепе, где при поверхностном обследовании найдены верхи 266 стел (Byrd 2005: 267), синхронен верхнему слою Гебекли-тепе. Площадь Карахана — 6 га, что почти втрое меньше, чем площадь Гебекли, а найденные там стелы имеют высоту не 3–5 м, а всего лишь 1–2 м (Çelik 2011).

Здания общественно-культового характера, в тех или иных отношениях напоминающие святилища Гебекли-тепе, исследованы на нескольких памятниках IX тыс. до н. э., в частности в Невали-Чори, Чаюню-тепеси, Жерф эль-Ахмаре и Мюрейбете (Корниенко 2002; 2005: 32–66; Schirmer 1990; Stordeur et al. 2001), но наряду со святилищами поблизости расположены жилые дома. В отличие от всех остальных памятников, кроме, кажется, Карахана, Гебекли-тепе предназначался исключительно для совершения ритуалов. Жить на высоком известняковом плато было возможно лишь в случае, если кто-то доставлял туда воду и продовольствие. Соответственно люди могли собираться там вместе лишь на короткое время. В крайнем случае, в Гебекли постоянно находилось небольшое число лиц, наделенных особыми прерогативами и получавших все необходимое от окружающего населения.

Хотя в районе Гебекли-тепе ни более ранних, ни синхронных монументальному комплексу памятников не найдено, представление о рядовых поселениях данной культуры дают исследования в верховьях Тигра в 150 км восточнее. Верхний слой одного из них, Хасанкейф-хеюк, видимо, синхронен нижнему горизонту Гебекли-тепе, нижние слои пока не изучены (Miyake et al. 2012). Другой памятник, Кертик-тепе, также многослойный, датируется самым концом XI — началом X тыс. до н. э. и, по-видимому, возник ранее появления в Гебекли-тепе первых сооружений, известных на сегодняшний день (Soçkin et al. 2010; Özkaça 2009). На рубеже плейстоцена и голоцена данный район представлял собой богатый ресурсами дубовый парковый лес. В 1990-х гг. здесь было исследовано еще одно поселение с материалами X тыс. до н. э. и более ранними — Халлан-Чеми (Корниенко 2005: 25–32; Hosenberg et al. 1995; Starkovich, Stiner 2009), но оно находится выше в предгорьях и его обитатели занимались главным образом охотой, хотя собирательство семян дикорастущих бобовых имело существенное значение¹. Обитатели Кертик-тепе тоже были охотниками и собирателями, но не менее, если не более важную роль в их хозяйстве играла рыбная ловля. Они жили оседло в круглоплановых углубленных в землю домах со стенами из булыжников. Более всего на Кертик-тепе поражает обилие найденных в погребениях предметов с изображениями — не только геометрическими, но и фигуративными. Они встречаются на каменных сосудах,

¹ Во избежание путаницы с датировками необходимо отметить, что Т. В. Корниенко в своей монографии, очевидно, использовала некалиброванные радиоуглеродные даты. Введение поправки удревняет памятники интересующей нас эпохи почти на два тысячелетия. См. корреляцию дат по переднеазиатским культурам в (Write, Garran 2003: table 1).

костяных подвесках и других небольших изделиях. Такого рода предметы были ранее обнаружены и при раскопках Халлан-Чеми, однако лишь во фрагментах (Корниенко 2005: рис. 5, 6). Стиль изображений своеобразен, но больше напоминает монументальное искусство Гебекли-тепе, чем искусство докерамического неолита Леванта. Вполне вероятно, что именно обитатели если не конкретно этих, то других подобных поселений и были людьми, создавшими первое в истории человечества сложное общество.

То, что это произошло в рамках присваивающего, а не производящего хозяйства, заставляет существенно пересмотреть наши взгляды на процесс сложения цивилизации. В Кертик-тепе не только не найдено зерновок злаков с морфологическими признаками окультуривания — остатков злаков здесь вообще мало. Зато обилие костей рыб, рыболовные крючки и остатки сетей заставляют вспомнить, с одной стороны, о Лепенском Вире, а с другой — о дземоне, или же о культурах Колумбийского плато и северо-западного побережья Северной Америки. Таковые обычно рассматриваются как некие отклонения от магистрального пути к цивилизации — производящего хозяйства нет, а демографическая плотность и уровень социополитической сложности высоки. Однако если древнейшее на сегодняшний день общество с неолитической по типу культурой (прочная оседлость и богатство культурных проявлений, отраженное в наборе предметов из камня, кости и органических материалов) оказывается похожим одновременно и на лесной неолит, и на поздних натуфийцев и возникло еще до начала голоцена, то как его прикажете называть? А если, упаси бог, окажется, что в Гебекли-тепе будут найдены синхронные Кертик-тепе и Халлан-Чеми монументальные сооружения, то аналогии как с натуфом, так и лесным неолитом придется отбросить. Впрочем, и нынешняя датировка основания Гебекли-тепе примерно 9600 до н. э. позволяет уверенно говорить о том, что первое в истории сложное общество возникло не после, а до становления производящего хозяйства. И если Гебекли-тепе окажется единственным и уникальным центром своего рода для X тыс. до н. э. (а по современным данным это так), то его влияние могло распространяться не на десятки, а на сотни километров.

Тот докерамический неолит Б, который был исследован в Леванте в период между 1950 и 1995 гг. и который, по-видимому, лег в основу неолита Балкан, юга Туркмении и, с оговорками, Средиземноморья и Иранского плато, почти по всем пунктам отличается от общества создателей Кертик-тепе и Гебекли-тепе. Для него характерны земледелие и скотоводство, плотно застроенные прямоугольными домами поселки, небольшие размеры объектов общественно-культурного назначения или вовсе отсутствие таковых (в Чатал-хеюке соответствующие функции выполняли парадные помещения домохозяйств; Düring 2011: 97–120; Hodder 2005: 126–129), преобладание в изобразительном искусстве образов женщины и быка (Sauvin 1994). Памятники круга Гебекли-тепе относят к докерамическому неолиту А или Б, но это хронологическая привязка и она не означает реальной культурной близости. Самые ранние материалы с Кертик-тепе формально должны относиться к эпипалеолиту, но есть в этом что-то противоречащее здравому смыслу — они не отделены от более поздних значимым рубежом.

Если говорить о Древнем Перу, то там с неолитом все в порядке в том смысле, что его нет. Однако проблемы похожи на те, с которыми археологи сталкиваются на Ближнем Востоке. Вплоть до 1970-х и даже 1980-х гг.

центральноандская хронология выглядела следующим образом. Примерно до 1800 до н. э. продолжается Докерамический период, поздний этап которого (3000–1800 до н. э.) выделен особо, поскольку с этого времени распространяется земледелие. Период между 1800 и 800 до н. э. — Начальный, в долинах тихоокеанского побережья появляются первые храмы. Период между 800 и 200 до н. э. — Ранний Горизонт, время возвышения на севере горного Перу общественно-культового центра Чавин-де-Уантар, оказавшего влияние на значительную часть Центральных Анд. Дальше идет Ранний Промежуточный период — время расцвета локальных культур типа мочки, наски, лимы и рекуай. Более поздние периоды нас сейчас не интересуют. Между Поздним Докерамическим периодом и «культурой чавин» лежит целая эпоха. III тыс. до н. э. — это эпоха перехода к производящей экономике, когда свидетельства социального расслоения общества и надобщинных политических структур практически отсутствуют. «Культура чавин» — это время «вероятного перехода к раннеклассовому обществу» и к «цивилизации» (Башилов 1972: 190). Зарубежные археологи про раннеклассовое общество не писали, но их общее видение эволюции перуанской культуры было примерно таким же, как у В. А. Башилова.

Однако на протяжении двух-трех последних десятилетий стало ясно, насколько границы между Поздним Докерамическим периодом, Начальным периодом и Ранним Горизонтом условны. С начала III, если не с конца IV тыс. до н. э. в северных и центральных районах Перу одна и та же культурная традиция постепенно развивается и обогащается инновациями (сперва керамика, затем золото, медь и развитая техника ткачества; источники данных см.: Березкин 2013). Для нее характерны общественно-культовые центры, которые по размеру превосходят, в ряде случаев на порядок, объем кладки крупнейших исследованных археологами монументальных памятников Древней Месопотамии. Это контрастирует с небольшой численностью окружающего населения — немногие тысячи жителей, в основном рассеянные по деревушкам и хуторам. Платформы из глины и камня второй четверти II тыс. до н. э. не уступают размерами монументальным сооружениям в главных центрах культуры мочика IV–VII вв. н. э., когда на побережье Перу наверняка уже существовали близкие к государственным политические структуры. Искусственные сооружения III тыс. до н. э. поменьше, но и в них платформы порой сопоставимы размерами с теми, которые были возведены в Уруке в середине IV тыс. до н. э. В частности это касается Асперо в области Норте-Чико к северу от Лимы, возведенного не позже XXVIII–XXVII вв. до н. э. Чавин-де-Уантар был влиятельным центром, но не превосходил размерами прибрежные общественно-культовые комплексы II тыс. до н. э. Хозяйственной основой обществ побережья Перу III — начала II тыс. до н. э. служили морское рыболовство и земледелие, причем определить их соотношение крайне трудно. Так один из крупнейших центров II тыс. до н. э., Лас-Альдас, расположен на берегу моря вдали не только от орошаемых земель, но и от сколько-нибудь значительных источников питьевой воды. Конечно, какие-то источники воды должны были быть, но любые продукты растительного происхождения наверняка приходилось доставлять за десятки километров.

Материальную культуру вот этого-то общества В. М. Массон предложил мне в 1967 г. описать в качестве «раннеземледельческой» — что-то вроде Джармо или в лучшем случае Джейтуна. Однако понять моего учителя можно. Культура

Центральных Анд ранее конца II тыс. до н. э. и особенно ранее появления керамики (до 1800–1600 гг. до н. э.) в материальном отношении до крайности примитивна. Кроме невыразительной каменной индустрии, рыболовных крючков, сделанных из раковин или из колючек, фрагментов сетей, калebas, циновок и изредка тканей и, наконец, архитектурных остатков (глина и щебень), археологи не находят почти ничего. Культура Кертик-тепе, какой она была в 10 100 г. до н. э., выглядит более богатой.

Нельзя также не заметить, что никакой «неолитической революции» в Южной Америке, как и в Мексике, не просматривается. Земледелие распространяется постепенно, первые опыты окультуривания растений начались еще в раннем голоцене, но определить тот конкретный период, после которого экономику следует оценивать как производящую, исключительно сложно.

Сказанное не значит, что понятие неолита себя не оправдывает. Дело в другом. Расширение знаний о прошлом за последние 20–30 лет действительно требует отказаться от рецидивов тайлоровско-моргановского эволюционизма. Классический эволюционизм соответствовал объему знаний XIX в. Нашему объему знаний соответствует дарвиновская теория, которую в XIX в. мало кто понимал. В ней видели попытку объяснить происхождение человека от обезьяны, а она про то, что даже сам господь бог не может знать, что будет завтра, и в лучшем случае способен оценивать вероятность событий. В истории культуры и общества реализовывались различные варианты — как статистически вероятные, так и редкие, однако возможные. Чем больше древних обществ удастся хотя бы в общих чертах реконструировать, тем менее универсальными становятся исторические идеальные типы (Вебер 1990: 389). Понятие неолита, как и любой идеальный тип, есть абстракция. Ни одно из реальных обществ не может полностью отвечать хрестоматийным определениям. В то же время без идеальных типов, без общих понятий наука не существует. В современных условиях понятие неолита — полезный инструмент исследований. Но никто не может предсказать, как долго он будет работать.

Литература

- Башилов В. А. 1999. «Неолитическая революция» в Центральных Андах. Две модели палеоэкономического процесса. М.: Наука.
- Башилов В. А. 1972. Древние цивилизации Перу и Боливии. М.: Наука.
- Березкин Ю. Е. 1969. Начало земледелия на перуанском побережье // СА 1, 3–12.
- Березкин Ю. Е. 2013. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН.
- Вебер М. 1990. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. Основные социологические понятия // Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Прогресс, 345–415.
- Корниенко Т. В. 2002. Храмы северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // ВДИ 2: 92–113.
- Корниенко Т. В. 2005. Первые храмы Месопотамии. СПб.: Алетейя.
- Корниенко Т. В. 2011. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор // АВ 17, 70–95.
- Массон В. М. 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л.: Наука.

- Массон В. М.* 1971. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л.: Наука.
- Массон В. М.* 1971. Алтын-депе. Л.: Наука.
- Шмидт К.* 2011. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гебекли Тепе. Пер. с нем. СПб.: Алетейя.
- Braidwood R., Howe B.* 1960. Prehistoric Investigation in Iraqī Kurdistan. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago.
- Byrd B. E.* 2005. Reassessing the emergence of village life in the Near East // *JAR* 13, 231–290.
- Cauvin J.* 1994. Naissance des divinités, naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique. Paris: CNRS Éditions.
- Çelik B.* 2011. Karahan Tepe: a new cultural centre in the Urfa area in Turkey // *DP XXXVIII*, 241–253.
- Coşkun A., Benz M., Erdal Y. S., Koruyucu M. M., Deckers K., Riehl S., Siebert A., Alt K. W., Özkaya V.* 2010. Living by the water — boon and bane for the people of Körtik Tepe // *Neo-Lithic* 2: 59–70.
- Düring B. S.* 2011. The Prehistory of Asia Minor. From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hodder I.* 2005. The spatio-temporal organization of the early “town” at Çatalhöyük // *Bailey D. W., Whittle A. W. R., Cummings V. (eds.). (Un)settling the Neolithic.* Oxford: Oxbow Books, 126–139.
- Hosenberg M., Nesbitt C., Redding R. K., Strasser T. F.* 1995. Hallan Çemi Tepesi: some preliminary observations concerning Early Neolithic subsistence behaviors in Eastern Anatolia // *Anatolica* 21, 3–12.
- Özkaya V.* 2009. Excavations at Körtik Tepe. A New Pre-Pottery Neolithic A Site in Southeastern Anatolia // *Neo-Lithic* 2, 3–8.
- Miyake Y., Maeda O., Tanno K., Hongo H., Gündem C. Y.* 2012. New excavations at Hasankeyf Höyük: a 10th millennium cal. BC site on the Upper Tigris, southern Anatolia // *Neo-Lithic* 1, 3–7.
- Rollefson G. O.* 1983. Ritual and ceremony at Neolithic ‘Ain Ghazal (Jordan) // *Paléorient* 9(2), 29–38.
- Rollefson G. O.* 1986. Neolithic ‘Ain Ghazal (Jordan). Ritual and ceremony // *Paléorient* 12(1), 45–51.
- Rollefson G. O.* 1989. The Aceramic Neolithic of the Southern Levant: the view from ‘Ain Ghazal // *Paléorient* 15(1), 135–140.
- Rollefson G. O., Simmons A. H.* 1987. The life and death of ‘Ain Ghazal // *Archaeology* 40(6), 38–45.
- Schirmer W.* 1990. Some aspects of building at the aceramic Neolithic settlement of Çayönü Tepesi // *WA* 21, 363–387.
- Starkovich B. M., Stiner M. C.* 2009. Hallan Çemi Tepesi: high-ranked game exploitation alongside intensive seed processing at the Epipaleolithic-Neolithic transition in Southeastern Turkey // *Antropozoologica* 44, 41–61.
- Steward J.* 1949. Cultural causality and law: a trial formulation of the development of early civilizations // *AAAn* 51, 1–27.
- Stordeur D., Brenet M., Aprahamian G. D., Roux J.-C.* 2000. Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syries) // *Paléorient* 26(1), 29–44.
- Write K., Garrard A.* 2003. Social identities and the expansion of stone bead-making in Neolithic Western Asia: new evidence from Jordan // *Antiquity* 77, 267–284.